

Лица

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
STUDIA BIOGRAPHICA

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

7

Феникс ♦ Atheneum
Москва – С.-Петербург

1996

ББК 83.3Р 1
8 Р 1

Л-659

Редактор-составитель А.В.Лавров

Л 659 **ЛИЦА: Биографический альманах. 7. — М.; СПб.:
Феникс; Atheneum. 1996. 510 с., ил.**

ISBN 5-85042-046-0
ISBN 5-85042-057-6

В альманахе собраны неопубликованные материалы к биографиям как известных деятелей XX в., так и тех, чьи имена не знакомы большинству читателей. Сборник содержит обстоятельно откомментированные материалы о женщинах-писательницах А.Даманской, А.Мар, Н.Санжарь, Л.Столице; дневниковые записи об А.Белом, воспоминания В.В.Шульгина, документы о Блоке, переписку Иванова-Разумника; мемуары о Волошине, Ахматовой, Чуковском и др.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся жизнью русских литераторов.

Л $\frac{4702010200-008}{Д 20 (03) - 96}$ 96 без объявл.

ББК 83.3Р 1

8 Р 1

ISBN 5-85042-046-0 (Феникс)
ISBN 5-85042-057-6

© «Феникс», 1996

В.Смиренский

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛЕКСЕЕ РЕМИЗОВЕ

Предисловие, публикация и комментарий
Е.Р.Обатниной

Владимир Викторович Смиренский (1902-1977) — поэт, писатель, литературовед, в двадцатые годы публиковал свои стихи под псевдонимом Андрей Скорбный¹. Как поэт Смиренский заявил о себе в 1917, когда в журнале «Весь мир» впервые было напечатано его стихотворение «Осенние мотивы»². Благодаря своей исключительной энергии, он оказался в орбите многих примечательных событий художественной жизни Петрограда начала 1920-х. За первой книгой стихов «Кровавые поцелуи» (1917)³ вышли еще три поэтических сборника: «Звенящие слезы» (1921), «Болезненная любовь» (1922), «Осень» (1927); четыре поэмы, изданные отдельными книгами: «Via Dolorosa» (1922), «Птица белая» (1922), «Рылеев» (1938), «Полежаев» (1939), а также воспоминания об А.А.Измайлове (1922) и написанные в разные годы жизни очерки о В.Жаковой, А.Грине, В.Муйжеле, Вяч.Шишкове, М.Горьком, — всего более трехсот статей. В центре литературоведческих интересов Смиренского было творческое наследие поэта К.М.Фофанова. В одной из поздних своих автобиографий он писал: «Занимаюсь историей русской литературы, являясь единственным в Европе исследователем К.М.Фофанова, о котором мною написана четырехтомная монография»⁴. Изучение стихосложения в студии профессора Н.Н.Шульговского, собственное поэтическое творчество и увлечение поэзией Фофанова — все это подвело Смиренского к идее со-

¹ В автобиографии (1960) Смиренский писал, что он пользовался тридцатью двумя псевдонимами, среди которых — Вадим Ренский, Вячеслав Пик и др. (ИРЛИ. Ф.582).

² *Весь мир*. 1917. №45. Ноябрь. С.30.

³ Этот сборник, выпущенный в свет петроградским издательством «Ивиковы журавли», анонсировался в каждой последующей книге Смиренского начала 1920-х. Объявление об этом издании сопровождалось указанием в скобках — «разошлось», тогда как о прочих сборниках обычно сообщалось: «распродано», или «печатается», или «готовится». Обнаружить *de visu* полиграфический экземпляр этого сборника нам не удалось: либо тираж «Кровавых поцелуев» был чрезвычайно мал, либо это была самодельная книга, смонтированная из отдельных слов, вырезанных из разных печатных изданий. Такой «самиздатский» экземпляр «Кровавых поцелуев» находится в архиве Смиренского в ИРЛИ (Ф.582).

⁴ Монография осталась неизданной, но в 1962 в большой серии «Библиотеки поэта» вышел том стихотворений и поэм К.М.Фофанова, подготовка текста, составление и комментарий в котором были выполнены В.В.Смиренским.

здания в Петрограде литературной ассоциации «Кольцо поэтов» имени К.М.Фофанова⁵. Основной состав этой ассоциации был представлен группой молодых поэтов-эгофутуристов — таких, как К.Олимпов (К.К.Фофанов), Д.Дорин, Б.Тимофеев, Н.Позняков, Дм.Савицкий и др. За короткий срок своего существования⁶ «Кольцо Поэтов» развернуло поистине грандиозную деятельность. Было организовано одноименное книгоиздательство, выпустившее в свет четыре книги В.Смиренского, два поэтических сборника его старшего брата — Бориса Смиренского: «Лунная струна» (1922) и «В лимонной гавани Иокогама» (1922), а также первый сборник стихов К.Вагинова «Путешествие в Хаос» (1921); готовились к печати книги Вл. Ленского и альманах «Кольцо поэтов». Существовала при издательстве и книжная лавка (Литейный пр., 57), систематически устраивались устные альманахи в специально снятом особняке в Басковском переулке (д.2). К участию в вечерах и заседаниях ассоциации приглашалась почти вся литературно-художественная элита Петрограда и Москвы: А.Блок, М.Кузмин, Ф.Сологуб, А.Ахматова, Ю.Верховский, Андрей Белый, Вл. Пяст, В.Зоргенфрей, В.Шкловский, Е.Замятин, Вяч. Шишков, В.Миллашевский, В.Ходасевич, Ю.Юркун и многие другие. Одним из первых был зачислен в «Кольцо поэтов» писатель Алексей Ремизов, вошедший в «коллегию экспертов» ассоциации.

Поэтические штудии привели Смиренского в середине 1920-х на «вечера на Ждановке» в доме Ф.Сологуба, где он принимал участие в работе литературного кружка «неоклассиков» вместе с Михаилом Борисоглебским, Еленой Данько и Абрамом Палеем⁷. Школа поэтического мастерства, пройденная в кружке, дает основание считать В.Смиренского учеником Сологуба.

О многообразии деятельности Смиренского в конце 1920-х дает представление следующий список:

«Состоял	1) действительным членом Дома Литераторов,
	2) председателем «Кольца Поэтов» им. Фофанова,
	3) председателем ленинградской ассоциации «неоклассиков»,
	4) председателем общества имени Измайлова,
	5) член литературно-художественного кружка "Арзамас",
	6) член правления (3 года) Всероссийского Союза писателей,

⁵ Сообщения об учреждении «Кольца поэтов» и деятельности этой ассоциации см.: Вестник литературы. 1921. №12(36). С.19; 1922. №1(37). С.23. Об истории «Кольца поэтов» см. также: Anemone A., Martynov I. Towards the History of the Leningrad Avant-garde: The «Ring of Poets» // Wiener Slawistischer Almanach. 1986. Band 17. S.131-148.

⁶ «Кольцо поэтов» было создано в марте 1921 и закрыто распоряжением Петросовета 25 сентября 1922.

⁷ См. об этом: Данько Е.Я. Воспоминания о Федоре Сологубе; Стихотворения / Вступ. статья, публикация и комментарии М.М.Павловой // Лица: Биографический альманах. Вып.1. М.; СПб., 1992. С.190-262.

- 7) член Всероссийского Союза поэтов,
8) член Драмосоюза»⁸.

В 1931 Смиренский был впервые арестован. За стандартными формуировками нескольких справок о реабилитации из его личного архива кроется трагедия последующей жизни: тридцать лет инженерного труда на стройках (Беломорско-Балтийский канал, Волго-Дон и др.), изоляция от литературных центров, множество неопубликованных работ. Поселившись в Волгодонске, Смиренский продолжал филологические исследования, работал в местных газетах, создавал литературный музей.

К началу 1960-х Смиренский подготовил к изданию десяти томное собрание своих сочинений, три тома из которого составили воспоминания о современниках под названием «За 30 лет». Диапазон имен, представленных в оглавлении этой рукописи, вмещает в себя наиболее ярких представителей русской литературы первой четверти XX века⁹. В первый том мемуаров вошел и очерк о А.М.Ремизове, охватывающий небольшой, но решающий для Ремизова период его жизни в Петрограде 1920-1921 годов.

Обстоятельства знакомства Смиренского с А.М.Ремизовым нам не известны, но некоторые подробности, содержащиеся в публикуемых здесь мемуарах, дают возможность предположить, что их общение началось на деловой основе. Эта встреча, вероятно, произошла тогда, когда Ремизов искал кого-то, кто мог бы грамотно описать его личную библиотеку, предназначенную на продажу. В.В.Смиренский — профессиональный библиотекарь и библиограф, в ту пору служивший инструктором библиотечного дела во 2-м тяжелом артиллерийском дивизионе в Петрограде, вполне подходил для этого. Рекомендация же пригласить на эту работу Смиренского могла исходить от Якова Петровича Гребенщикова, старинного друга Ремизова, «василеостровского книгочея», сотрудника Публичной библиотеки, знакомого, как писал о нем Ремизов, «всякому, кому приходилось бывать в библиотеке /.../ В темь и "глад и мор" военного коммунизма, в годы 1918-1921, /.../ в какой только ячейке, на каком только собрании: и у балтмором, и у красноармейцев, и на всяких "трубошных" заводах и во всех районных отделах и политотделах не выступал он, "бня себя в грудь", часами читая о своем любимом библиотечном деле и библиографии...»¹⁰ Немаловажно и то, что Я.П.Гребенщиков был членом «Кольца поэтов».

Как язвительно заметил В.Яновский, «все воспоминания о Ремизове начинаются с описания горбатого гнома, закутанного в женский платок или кацавейку, с тихим внятным голосом и острым, умным взглядом...»¹¹. В этом смысле очерк Смиренского не составляет исключения. Тем не менее, свидетельства Смиренского по праву можно поставить в

⁸ ИРЛИ. Ф.582. Автобиография (1928).

⁹ Первый том воспоминаний (авторизованная машинопись) хранится в ИРЛИ (Ф.582).

¹⁰ См.: Ремизов А. Яков Петрович Гребенщиков. 1887-1935 // Ремизов А. Встречи: Петербургский буерак. Париж, 1981. С.265.

¹¹ Яновский В. Поля Елисейские. СПб., 1993. С.186.

один ряд с мемуарами художников Ю. Анненкова и В. Милашевского, запечатлевшими Ремизова в последние два-три года его жизни в Петрограде, перед отъездом писателя в эмиграцию¹². Ряд эпизодов из воспоминаний Смиренского может служить реальным комментарием к одному из первых эмигрантских рассказов Ремизова «Крюк», напечатанному в 1922 в берлинском журнале «Новая русская книга» (№1), а позднее вошедшему в книгу «Ахру»¹³. «Первая память о России — "Крюк", написанный в жанре ностальгических воспоминаний, посвящен писателям и поэтам, оставшимся на родине и воспитывающим новое поколение, которому была завещана русская литература: "Есть одно русское литературное большое гнездо — Петербург—Москва. И от этого большого гнезда по всей по России — от океана до гор и от гор до моря и от моря до пустыни и от пустыни до других гор — малые гнезда.

И в жесточайшие годы — в войну всесветную и замутение, в раззор и падаль, не погибли, зайились гнезда»¹⁴.

Ремизову, казавшемуся автору мемуаров человеком на склоне лет, в год, когда он покидал Россию, было только 44 года, но именно тогда он с особой ясностью осознал свою личную, писательскую ответственность за будущую русскую литературу. Видя эксцессы революционного разрушения, он острее ощущал необходимость культурной преемственности. Он собирает вокруг себя, как мастер подмастерьев, — писателей, среди которых не только молодежь, но и его сверстники: Е. Замятин, Вяч. Шишков, М. Пришвин, И. Соколов-Микитов, К. Федин, М. Зощенко. Образуется своего рода «студия» Ремизова. Было вполне в духе эпохи: тогда возникло множество литературных объединений и студий по изучению прозы, школ поэтического мастерства и художественного перевода. Подобные «мастер-классы» для молодых литераторов организовывались при Доме Искусств и вне его. В эти годы Ремизов живо интересуется творчеством «Серрапионовых братьев», приветствует создание ассоциации «Кольцо поэтов», собиравшейся под девизом: «Единое сплетение художественного слова»¹⁵. В «Кольце поэтов» многое Ремизову было близко, сродни «Обезвельволпалу». Обезьянья палата как жизнетворческое и мифологическое пространство в начале 1920-х объединяла не только мэтров, но и начинающих литераторов. Миф о поэтической творческой «весне» 1920 образует доминантную тему рассказа «Крюк»:

В большом гнезде на Москве ходил со скрипочкой Скриплик — Андрей Белый, учил поэтов стиху, в Петербурге Серрапионовы братья по азам замятиным долбили — Замятин учил их рассказам и сказам, а стиху учил Гумилев /.../

¹² См.: Анненков Ю. Дневник моих встреч. Т. 1. Нью-Йорк, 1966. С. 219-220, 224-225; Милашевский В. Вчера, позавчера... М., 1989. С. 156-160.

¹³ Ремизов А. Ахру: Повесть петербургская. Берлин; Пб.; М., 1922. Далее цитируется по этой книге.

¹⁴ Ремизов А. Ахру. С. 29.

¹⁵ В 1928 в письме к В. С. Миролубову Смиренский, вспоминая о деятельности «Кольца поэтов», отмечал: «Очень охотно и много нам помогал А. М. Ремизов» (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 1071. Л. 12об.).

А к которому лешему все звери сходятся и птицы и гады и муравьи и пчелы пение свое попеть и рык рыкать, таким Лешим в большом гнезде петербургском был Алексей Максимович — на Кронверкский к Горькому дорога, что тропа к ключику:

его суд и ряд
над всем гнездом

А от Горького повертывало зверье в другую лешачью нору — стог чертячий — в Обезьянью великую и вольную палату на суд обезьяний¹⁶.

Запечатленные Смиренским эпизоды петроградской жизни представляют собой реальный комментарий к созданному Ремизовым мифу, дополняют представление о членах «Обезвельволпала» в начале 1920-х. Среди них и молодой поэт Анатолий Фролов, которому Ремизов посвятил по-отечески нежные строки¹⁷.

В воспоминаниях о Ремизове Смиренский не ограничивается рассказом о личных встречах с писателем, стремясь слить воедино мемуарный очерк, литературный портрет и, отчасти, исследование. Это побуждает его использовать помимо собственной памяти и те газетные статьи, что появились сразу после отъезда Ремизова, а также немногие описания литературной жизни русской эмиграции, которые были опубликованы в СССР в конце 1920-1960-х (книги Р.Гуля, Л.Любимова, К.Федина)¹⁸. Заданный этими статьями и публикациями набор оценок долгие годы оставался в советской литературе единственно возможным контекстом при упоминании имени Ремизова. Однако наличие этих оценок в тексте Смиренского не снижает объективной значимости его мемуарных свидетельств.

Текст мемуаров В.В.Смиренского «Алексей Ремизов» существует в трех вариантах: автограф и машинопись с авторской правкой, хранящиеся в архиве писателя в ИРЛИ, и авторизованная машинопись, находящаяся в Рукописном отделе РНБ¹⁹. Машинопись и рукопись ИРЛИ имеют лишь незначительные разночтения. Текст из архива РНБ сокращен в сравнении с рукописью ИРЛИ, хранит следы переработок: разрезанные и склеенные страницы. Публикуемый ниже текст воспроизводится по машинописи с авторской правкой (ИРЛИ. Ф.582), которая является пятнадцатой главой подготовленного Смиренским к изданию тома его собрания сочинений и представляет собой наиболее полный текст его воспоминаний о Ремизове.

¹⁶ Ремизов А. Ахру. С.44.

¹⁷ Там же. С.40; см. также прим. 7, 12 к тексту воспоминаний.

¹⁸ Смиренский также был знаком с книгой Н.Кодрянской «Алексей Ремизов» (Париж, 1959).

¹⁹ Ф.1049. Архив В.В.Смиренского. Ед.хр.3.

Навстречу мне из-за огромного письменного стола поднялся маленький, почти горбатый человечек с жесткой щетиной волос, в очках, гладко выбритый. Черты его лица мелкие, глаза — тоже небольшие, с хитринкой. В зубах у него желтый деревянный мундштук с недокуренной папиросой. Одет он в странный, кургузый пиджачок ярко-зеленого цвета, сшитый, несомненно, из портьеры.

Он протягивает мне крошечную, худую ручонку, приглашает сесть. Я сажусь около его стола и с интересом осматриваюсь. Стены большой квадратной комнаты раскрашены пестро и причудливо. Вдоль комнаты протянута нитка, на которой висят, покачиваясь, обезьянки, пауки и всякие чудища. В одном углу, наиболее ярко раскрашенном, в симметричном порядке развешаны игрушки: тут тоже обезьянки, палочки, хвостики, какие-то цветные камни. Одна стена сплошь занята книгами. На столе хозяина с исключительной аккуратностью разложены альбомы и рисунки, крошечные книжечки в старинных выцветших переплетах, рукописи. Здесь же, на краю, стоит большой деревянный ящик, в котором бережно сложены окурки.

— Когда нечего курить, — объясняет Алексей Михайлович, заметив мой несколько удивленный взгляд, — пригождаются и окурки. А без курения трудно работать!

Он охотно показывает мне свои рукописи. Все они в образцовом порядке, собственноручно переплетенные и раскрашенные. Пишет Ремизов мелким, совсем бисерным, но четким почерком. Некоторые рукописи и письма Ремизов пишет скорописью XVII-XVIII века. На это он большой мастер. Потом он так же охотно и любовно показывает мне свои книги, игрушки. О каждой игрушке у него сложена сказка, с каждой связано много воспоминаний¹.

— И стены вы сами раскрасили?² — спрашиваю я.

— Не место красит человека, — усмехаясь, отвечает Ремизов, — а человек место. Я эту поговорку помню и поэтому крашу свое место всегда сам.

В этот момент в комнату входит жена Ремизова, Серафима Павловна Довгелло. Это — женщина, которой посвящены все без исключения книги Ремизова³. Она вдвое выше его и вчетверо толще. Это очень высокая и очень полная женщина с простым, чисто русским лицом. Ремизов представляет меня ей, и беседа становится общей. Серафима Павловна внимательно слушает рассказы мужа, вероятно, слышанные ею уже не один раз. В ее отношении к мужу чувствуется трогательная заботливость. Видно, что она

бережно и ревниво охраняет писателя от всяких забот и дел, а на все его чудачества, игры и рисование смотрит, как мать на избалованного ребенка.

— Теперь, — говорит Ремизов, — я расскажу вам об «Обезьяньей палате»⁴. Управляет палатой небезызвестный вам обезьяний царь Асыка. Я при нем только скромный канцелярист. Званием князей обезьяньей палаты пожалованы очень немногие: Максим Горький, Евгений Замятин, Вячеслав Шишков⁵... Остальные писатели являются кавалерами обезьяньего знака. Обезьяний знак рисуется только мною, а подписывается царем Асыкой собственноручно.

Тут Ремизов достает лист плотной бумаги, на котором причудливо разрисован обезьяний знак. Вверху непонятная, видимо, собственноручная подпись. Ремизов подходит к столу и вписывает в свободное, нарочито незакрашенное место мое имя.

— Жалуетеся вам, — говорит он торжественно, — обезьяний знак. Отныне вы посол Великой и Вольной Обезьяньей палаты и кавалер.

— Поздравляю вас, — улыбается Серафима Павловна.

Я низко кланяюсь обоим и благодарю.

— Кавалеров, — продолжает Ремизов, — у меня много. Некоторые из них, вот как вы, — несут определенную должность: Замятин — брадобрей, вы, брат ваш Борис Викторович⁶ и Анатолий Фролов — послы. Фролов, кроме того, исполняет еще по малолетству обязанности служки⁷. Тиняков — гнида обезьяньей палаты⁸.

Тут лицо Ремизова морщится, и он довольно хихикает.

Много раз я бывал потом у Ремизова, привел его библиотеку в порядок, составив алфавитный каталог всех его книг. По этому каталогу в скором времени Ремизов библиотеку продал⁹.

Потом он поручил мне продать его альбом с рисунками. Рисовал Ремизов очень неплохо, но как художник он был подлинным футуристом¹⁰. Он, например, нарисовал меня. Это был крошечных размеров рисунок, где лиловым карандашом была изображена какая-то непонятная фигура, держащая под мышкой пачку альбомов. Внизу была подпись: «Владимир Викторович Смиренский продает мои альбомы с картинками». Без подписи трудно было поверить, что это я. Этот рисунок и один альбом я оставил себе, остальные¹¹ продал и, надо сказать, почти мгновенно.

Имя Ремизова было очень популярно в литературной среде: каждый из писателей, приезжавший в Петроград хотя бы на время, считал своим долгом прийти на поклон к Ремизову.

Любимцем Ремизова был Анатолий Фролов. Ему не было, кажется, и 16 лет в ту пору, но он писал стихи, от которых веяло несомненным талантом:

Второй Иаков мне! Горбатые ступени
Роняет радуга, — страстей прозрачный рай.
Зарей, заря! И в тени, тени, тени,
Скользи, душа, а сердце не сгорай!¹²

Анатолий Фролов имел, как я уже говорил, звание посла и службы обезьяньей палаты и, по присвоенной ему должности, обязан был носить хвост. У него было их два: один будничный — маленький и почти незаметный заячий хвостик, а второй — праздничный, длинный, сплетенный из ремней. Когда он шел по улицам города с праздничным хвостом, его часто окликали прохожие, говоря, что у него сзади что-то болтается. Фролов оборачивался и резко отвечал, что это у него хвост.

Он был экзальтированный юноша. Однажды он засиделся у меня часов до трех ночи. Жил я в гостинице, которая после часу ночи закрывалась, и надо было будить швейцара. А это связано было с деньгами, которых у нас не было. Фролов долго думал, что делать, потом посмотрел в окно. Было совсем светло: в Ленинграде в начале лета еще стоят белые ночи. Этаж, однако же, был третий. Фролов попросился со мною и вылез через окно на водосточную трубу, по которой благополучно спустился вниз. Я наблюдал за этим акробатическим трюком и даже написал на трубе, что такого-то числа по ней спустился поэт Анатолий Фролов. Как потом оказалось, спуск вовсе не был благополучен. Не успел Фролов дойти до угла, как был задержан наблюдавшим за его спуском милиционером. Фролов был в коротких штанишках, с хвостом. Никаких документов у него не было. Его продержали в милиции до утра, пока не удалось созвониться с его родными. Отец его был известный ученый, профессор¹³.

Однажды я пришел к Ремизову¹⁴ с Фроловым, а Ремизов говорит: «Идемте-ка в "Дом Искусств", там сегодня читает новый рассказ совсем еще молодой писатель Михаил Зощенко. Говорят — талантливый». Пошли. Шествие было довольно странное: впереди шел Ремизов, с непокрытой головой, в очках, смешной и горбатый, в своем ярко-зеленом пиджаке, за ним следовала Серафима Павловна, на необъятном фоне которой он совершенно терялся, позади шли, и тоже гуськом, я и брат мой Борис, а замыкал шествие Анатолий Фролов, курчавый и смуглый, как цыганенок, с длинным ремненным хвостом, обвивающим голые ноги¹⁵. Между прочим, Фролов разительно напоминал юного Пушкина.

Зощенко мы слушали тогда впервые, читал он совсем еще не смешной рассказ «Старуха Врангель». Ремизов был доволен и все похваливал автора¹⁶... Рассказ был и вправду хорош.

Пока я приводил в порядок библиотеку Ремизова, я был свидетелем многочисленных писательских паломничеств. Целые дни к нему приходили знакомые и незнакомые люди, и Ремизов всех принимал очень вежливо, внимательно всех выслушивал, с особым удовольствием дарил свои затейливые автографы и портреты.

Перед отъездом Ремизов подарил мне одну из своих рукописей и портрет, на котором написал: «Обезьяну Ивановичу — Владимиру Викторовичу Смиренскому, от бывшего канцеляриста Алексея Ремизова, на память обезьянскую в Ильин день»¹⁷.

На мое предложение вступить в члены «Кольца поэтов» Ремизов ответил мне письменно: «"Кольцу поэтов" кланяюсь низко и благодарю. Слово мое в стихах и в прозе — от слова»¹⁸.

Последний вечер мы сидели с ним вдвоем, пили жиденский чай из высоких, толстых стаканов.

— Так-то вот, Обезьян Иванович, — сказал мне Ремизов, — уезжаю. Хочу уехать отсюда, переменить фамилию и начать новую жизнь. Устал я, Обезьян Иванович, измытарился очень!..

Мне и самому казалось, что Ремизов вправду устал от собственной лжи, которой он себя окружал, от всех своих чудачеств, от постоянной, нарочитой неестественности, оригинальничания. Много лет он воссоздавал свой второй, чудаческий облик, и все делал с гримасами, с ужимками; одевался странно, вел себя странно, все что-то выдумывал, всех постоянно мистифицировал. С серьезным видом он таким неподдельно искренним тоном рассказывал какую-нибудь несообразность, что ему верили¹⁹. А где-то внутри, глубоко, под пиджаком, сшитом из старой портьеры, билось чистое сердце талантливого и умного человека, которому под конец жизни стало, видимо, и противно, и тошно смотреть на второе свое «я». Поэтому слова его о перемене фамилии и жизни я принял как должное. Не скрою, что мне все-таки жаль было расставаться с этим смешным человечком, который сидел тихенько, горбатый и худенький, утопая в глубоком кресле, в большой своей, уютной и пестрой комнате с балаганскими украшениями и говорил мне, прощаясь:

— Не увидимся больше, Обезьян Иванович, не увидимся, миль! Деньги вы за меня получите в редакции и оставьте их у себя. Это вам за библиотеку.

Тут он мне дал две доверенности.

— Пишите стихи, — продолжал он, — берегите Анатолия Фролова. Он еще очень молод, и за ним надо приглядывать.

Без конца Ремизов быстро и ловко крутил тоненькие папироски и курил, задыхаясь и кашляя от табачного дыма. В комнате было тихо, полутемно, только в углу горела лампадка, от нее Алексей Михайлович и прикуривал²⁰. В этот вечер я простился с Ремизовым навсегда. Он не говорил, куда он едет, и только месяц спустя я узнал из газет, что он за границей²¹. Там он опубликовал целый ряд книг и статей, в одной из которых вспомнил и обо мне²².

Ремизов обладал исключительной, пожалуй даже феноменальной памятью. Он безошибочно помнил по имени и отчеству всех своих даже случайных знакомых. И к каждой фамилии он, как и вообще к слову, подлинно им любимому, относился всегда внимательно, бережно и с большим интересом. Он терпеливо просматривал в газетах длинные перечни лиц, желающих переменить фамилию, и наиболее интересные из них записывал. Однажды, читая такой перечень при мне, он заметил:

— Вот какой-то Афанасий Дырка хочет переменить фамилию. Ну, не чудак ли? Такая превосходная, чисто гоголевская фамилия, а он ее менять хочет!..²³

О своей собственной фамилии Алексей Михайлович часто говорил, что она происходит от слова ремез, что значит пташка, и что поэтому ударение в ней делается на первом слоге.

— Ни в коем случае, — подчеркивал он, — фамилия моя не происходит от слова ремиз, как многие ошибочно думают!

Откровенно говоря, мне это казалось безусловной натяжкой. Поскольку его фамилия писалась не Ремезов, а именно Ремизов — происхождение ее, в сущности, было совершенно бесспорным²⁴. Но я никогда не вступал с ним по этому поводу в пререкания.

История новой фамилии: Куковников, — которую он придумал себе за границей, мне неизвестна. Но любопытно, что она, по созвучию напоминающая и любимых им кукол, и Нестора Кукольника, чем-то, видимо, оказалась Ремизову родственной и близкой²⁵.

На память о родине Ремизов увез за границу шепотку русской земли, бережно спрятав ее в пудреницу Серафимы Павловны. Он очень любил Россию.

Ремизов был сложной фигурой. Будучи в прошлом близок к революционерам и дружил с Каляевым²⁶. Пришвин вспоминает, что Каляев продолжал относиться к Ремизову с тем же самым уважением даже и в те годы, когда он стал писать свои «утонченнейшие, изящные словеса». Однажды близко к своему концу

Каляев случайно встретился на вокзале с Ремизовым, улыбнулся ему приветливо и так наивно-простоудушно спросил на ходу:

— Неужели все еще о своих букашках пишешь?²⁷

Да, Ремизов писал о букашках. И революцию он не принял. Несмотря на то, что наша страна относилась к нему бережно и любовно, окружив его вниманием и заботой (ему была предоставлена казенная квартира, он бесплатно получал все газеты и журналы, его сочинения печатались, как и прежде), несмотря на все это, Ремизов прожил несколько лет в Петрограде внутренним эмигрантом и при первом подвернувшемся ему случае бежал за границу²⁸.

О его пребывании за границей сведений у нас было мало. Первое время, по свидетельству Романа Гуля, он оставался таким же, как был, не меняя своих привычек. В Берлине он завесил всю комнату чертями, бумажными прыгунчиками, игрушками и, пугая немецкую хозяйку, сидел в драдедамовом платке с висюльками²⁹. Уже значительно позже, перекочевав в Париж, Ремизов, как рассказал мне К.А.Федин, переименовал фамилию³⁰.

В недавно опубликованных (в 1957 году) воспоминаниях Льва Любимова «На чужбине» подчеркнута, что Ремизов признал свои заблуждения и занял патриотическую позицию, став в 1946 году советским гражданином³¹. Эмигранты называли его за это ретроградом, подлецом, советской сволочью (воспоминания Н.Кодрянской)³².

Под конец жизни Ремизов ослеп. Умер он в ноябре 1957 года, 80 лет от роду, в полном и поистине трагическом забвении, одиночестве и нищете³³. (Серафима Павловна умерла в 1943 году).

А между тем роман его «Пруд» и повесть «Крестовые сестры»³⁴ являются поистине блестящими образцами русской реалистической прозы. И пристальная работа Ремизова над языком заслуживает серьезного внимания. Ремизов был высокоодаренным учеником лесковской школы, что признавали и Горький, и Блок³⁵. Кстати сказать, Блок очень любил Ремизова и посвящал ему стихи³⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об истории возникновения ремизовской коллекции игрушек см.: Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С.119. Там же приведен рассказ Ремизова о передаче этой коллекции в Пушкинский Дом (ИРЛИ). Уже будучи в Берлине, Ремизов прислал в Пушкинский Дом «паспорта» — рисунки с изображением некоторых персонажей своего bestiaria. См.: ИРЛИ. Ф.256. Оп.1. Ед.хр.43. Л.1-5, а также письма Ремизова П.М.Устимовичу (ИРЛИ. Ф.256. Оп.3. Ед.хр.11. Л.1-7). См. также: Во-

лошин М. Алексей Ремизов. Посолонь. Изд. «Золотого Руна». 1907 // Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С.508-515; Кожевников П. Коллекция А.М.Ремизова. Творимый апокриф // Утро России. 1910. 7 сентября. №243. С.2; А. В волшебном царстве: А.М.Ремизов и его коллекция // Огонек. 1911. №44. С.10-11.

² Очевидно, речь идет о квартире Ремизова на 14-й линии Васильевского острова (д.31, кв.48), в которой писатель жил с сентября 1916 по май 1920. Стены в этой квартире были расписаны изображениями кавалеров и князей Обезьяньей Великой и Вольной Палаты и ее царя Асыки. Ср.: «Есть асычий нерукотворенный образ — на голове корона, как петушинный гребень, ноги — змеи, в одной руке — венок, в другой — треххвостка — на стене написан в рост человек в Петербурге...» (Ремизов А. Ахру. С.50).

³ *Серафима Павловна Ремизова-Довгелло* (1878-1943) — жена А.М. Ремизова; ее биография легла в основу книги Ремизова «В розовом блеске» (Нью-Йорк, 1952). Почти все книги Ремизова, вышедшие в России, открывались посвящениями Серафиме Павловне. См.: Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Указ. изд. С.151-186; Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб., 1992. С.16-31.

⁴ История возникновения «обезьяньего общества», его законоположение и реальные сюжеты из жизни его членов описаны Ремизовым в книгах: *Взвихренная Русь*. М., 1991. С.376-390; *Кукха: Розановы письма*. Берлин, 1923; *Встречи: Петербургский буерак*. Париж, 1981. С.187-189. См. также статьи: Морковин В. Приспешники царя Асыки // *Československa rusistika*. 1969. Vol.XIV. №4. S.178-186; Гречишкин С.С. Архив А.М.Ремизова // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год*. Л., 1977. С.32-34; Его же. Царь Асыка в «Обезьяньей Великой и Вольной палате» Ремизова // *Studia Slavica* (Budapest). 1980. Vol.XXVI. S.173-176; Lampl H. *Remizovs Petersburger Jahre: Materialien zur Biographie* // *Wiener Slavistischer Almanach*. 1982. Bd.10. S.299-301; Флейшман Л.С. Из комментариев к «Кукхе»: Конкретор Обезвелволпала // *Slavica Hierosolymitana* (Jerusalem). 1977. Vol.1. С.185-193.

⁵ Е.И.Замятин, В.Я.Шишков и М.Горький входили в круг литераторов, с которыми Ремизов тесно общался в 1920-1921. Им посвящены страницы мемуарной прозы писателя: «Горький. Три письма Горького»; «Алексей Максимович Горький»; «Стоять — негасимую свечу»; «Памяти Евгения Ивановича Замятина»; «Заветы» (Ремизов А.М. *Встречи*. Указ. изд. С.117-134; 252-258). См. также: *Письма Е.И.Замятина А.М.Ремизову* / Публикация В.В.Бузник // *Русская литература*. 1992. №1. С.176-179. Ремизов так охарактеризовал творчество Замятина и Шишкова начала 1920-х: «Е.И.Замятин "изуграф" — резчик слова — смиренный епископ обезьянский Замутый, в мире князь обезьяний Евг.Замятин и без кофеину взялся за сказки, рассказы, повести — и успел. И Шишков, князь сибирский и бежецкий обезьяний — пьесу за пьесой со своим неизменным комедийным пастушонком, а также память сибирскую — шаманскую по-

весть» (Ахру. С.38). Вяч. Шишков посвятил Ремизову свой рассказ «Соловьиная ночь» (Подножие башни. Пг., 1920).

⁶ *Борис Викторович Смиренский* (1900-1970) — поэт, издал в 1916-1928 шесть стихотворных сборников; литературовед. Посвятил А.М.Ремизову стихотворение:

Лоскутками огонь свечи
В зеркала синий дым разносит;
И блестят в бессонной ночи
На столе голый череп и кости.
Насупились в складках души
Брови густого мрака...
Там, в черной живет глуши
Кавалер обезьяньего знака.
Много он знает слов,
Много и тайн знает,
И долго, поверх очков,
Обезьянью книгу читает.

Смиренский Б. Рифмологион IV. Пб.: «Иви-
ковы журавли», 1922. С.4.

В 1921 Борис Смиренский организовал вместе с братом Владимиром поэтическую ассоциацию «Кольцо поэтов», в которой исполнял должность секретаря.

⁷ *Анатолий Александрович Фролов* (р.1906) — поэт, в 1920 — ученик 37-й Советской Единой Трудовой школы I и II ступени Выборгского района (ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.6. Ед.хр.2349). В Летописи ассоциации «Кольцо поэтов», составленной братьями Смиренскими (ИРЛИ. Ф.582), имеются записи о вступлении Ф. в ассоциацию и назначении его заместителем председателя — В.Смиренского (21 июля 1921), 17 апреля 1922 Фролов был исключен из ассоциации вместе с Е.Замятиным и В.Миролубовым, а 21 августа снова зачислен. В своем поэтическом сборнике «Большая любовь» (Пб.: «Кольцо поэтов», 1922) В.Смиренский поместил стихотворение с посвящением Анатолию Фролову — «Когда на сгорбленных ступенях...» (С.6). Ремизов в «Ахру» с особой нежностью писал: «/.../ и совсем еще перворосток мой обезьяненок, обезьянко, б. царь ежиный Анатолий Фролов, служба обезвелволпала, единственный в Петербурге, таскающий в коротеньких штанишках билет на право ношения хвоста» (Ахру. С.40). В реестре членов Обезвелволпала А.Ремизова Фролов упоминается дважды: «служба обез[велволпала] и кав[алер] царь беличий Анатолий Фролов» и «служба Обезвелволпала, обезьяненок и б[ывший] царь ежиный» (Ремизов А. Обезьянья Великая и Вольная Палата; Материалы фантастического общества // ИРЛИ. Ф.256. Оп.2. Ед.хр.13). В архиве М.В.Борисоглебского (РНБ) хранятся две тетради стихов Ан.Фролова. Первая из них содержит машинописные тексты шестнадцати стихотворений, собранных под обложкой с названием: «Стихи (плохие) / А.М.Ремизову (хорошему) / Анатолий Фролов / (обезьяненок) / 1921». Обложка

заполнена множеством рисунков с подписями, являющимися цитатами из стихов, либо относящимися непосредственно к Фролову («заяшный хвостик», см. текст воспоминаний В.Смиренского: С.168 в наст. изд.) и к Ремизову («Алалей» — имя героев сказок Ремизова, см.: К Морю-Океану // Ремизов А. Сочинения. СПб., 1911. Т.6, а также русалии «Алалей и Лейла» — Колядный альманах. Пг., 1919. С.52-60; кроме того, именно так в детстве выговаривала имя Ремизова его дочь Наташа). Вторая тетрадь представляет собой рукописный сборник, на титуле которого имеется надпись: «Обезьяний хвост / 1921 / Анатолий Фролов». На обороте первого листа тетради написано посвящение: «А.М.Ремизову». На пяти листах сборника расположены пять стихотворений. Любопытно, что почерк Фролова в значительной степени имитирует ремизовский, особенно характерный для его «обезьяньих грамот» (РНБ. Ф.92. Оп.1. Ед.хр.354. Л.1-22). См. также заметку-мистификацию Ремизова с упоминанием Фролова, анонимно напечатанную в берлинской газете:

В Петербурге образовался книгоиздательский трест «Аверьяныч и Товарищи». К 1 маю издательство выпускает I-ый товарищеский сборник: Вяч. Шишков, Евг. Замятин, А.И. Чапыгин, К.А.Федин, А.С.Неверов, М.А.Дьяконов, А.А.Фролов [курсив наш. — Е.О.], Георгий и Яков Гребенщиконы, А.Б.Кусиков, Б.А.Пильняк и Н.А.Шапошников. А называется сборник «Кавыка».

(Голос России. 1922. 16 апреля. №943. С.9).

Сведениями о публикациях стихов Ф. мы не располагаем. Упоминание о нем как о поэте встречается у М.А.Кузмина. «Жизнь проталкивается /.../ в ремизовской сиротке Анатолии Фролове», — писал Кузмин, завершая свой обзор современной поэзии «Парнасские заросли» (март—сентябрь 1922; РГАЛИ. Ф.2853. Оп.1. Ед.хр.30. Л.15 — сообщено А.Г.Тимофеевым). В опубликованный текст обзора эта фраза не вошла. См.: Завтра: Литературно-критический сборник / Под ред. Е.Замятина, М.Кузмина и М.Лозинского. I. Берлин, 1923. С.114-122). О посещениях Фроловым Кузмина в 1921 см.: Кузмин М. Дневник 1921 года / Публикация Н.А.Богомолова и С.В.Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. Вып.12. М.; СПб., 1993. С.470; Там же. Вып.13. С.498, 504-507, 509). Сведения о дальнейшей судьбе Ф. почерпнуты нами из его студенческого дела и личного дела его отца А.М.Фролова: ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.6. Ед.хр.2349; Петербургский гос. университет путей сообщения (ПГУПС). Личное дело №25 за 1959 год. В 1922 Ф. поступил на факультет общественных наук Общественно-педагогического отделения Петроградского университета; в 1923-м подал заявление с просьбой выдать ему документы для продолжения обучения на экономическом факультете Первого Петроградского Политехнического института. На вопросы одной из анкет (1922) отвечал: «15) Чем занимались до 1914 г.? — играл и учился. 16) Чем занимались с 1914 по 1917 г. — играл, учился, читал. 17) Чем занимались с 1917 по 1922 г. — играл, учился, читал и писал» (ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.6. Ед.хр.2349. Л.6). В 1923 вместе с двумя своими старшими братьями Вла-

димиром и Сергеем Анатолий Фролов выехал за границу «с целью повышения квалификации». Обосновался он в Париже, стал археологом, в конце 1950-х защитил докторскую диссертацию (Frolow A. La relique de la Vraie Croix: recherches sur le développement d'un culte. Paris: Institut français d'études byzantiques. 1961), преподавал в Сорбонне, женился, имел сына — Луку. О встречах Фролова с Ремизовым в Париже, куда писатель переехал также в 1923, сведений нет. Пользуясь случаем выразить признательность А.Л.Дмитренко за содействие в поиске биографических сведений о Фроловых в ЦГА (СПб.) и архиве ПГУПС.

⁸ Александр Иванович Тиняков (1886-1934?) — поэт, печатался под псевдонимами Одинокый, Герасим Чудаков и др., автор трех поэтических сборников, первый из которых вышел в 1912 (Navis nigra: Стихи 1905-1912 гг. М., 1912). Имел чрезвычайно скандальную репутацию. См. о нем: Hughes R., Malmstad J. Vladislav Hodasevic and Boris Sadovskoj // Slavica Hierosolymitana (Jerusalem). 1981. Vol.V/VI. P.474-475, 494-500; Варжапетян В. «Исповедь антисемита», или К истории одной статьи: Повесть в документах // Литературное обозрение. 1992. №1. С.12-37; Богомолов Н.А. Материалы к библиографии А.И.Тинякова: 1886-1934 // De visu. 1993. №10. С.71-79. Осенью 1912 Тиняков появился у Ремизова с письмом от владельца издательства «Гриф» С.А.Соколова: «Дорогой Алексей Михайлович! Примите благосклонно молодого поэта. Это — Александр Иванович Тиняков (Одинокый), переправляющийся на жительство в Петербург. Знакомых у него из писателей там нет, кроме тех будущих, коим я дал ему рекомендательные письма. Откройте ему ход в литературный мир, где его место вполне по праву» (РНБ. Ф.634. Ед.хр.203. Л.32). Тиняков пользовался дружеским расположением и протекциями Ремизова, через которого познакомился с А.Блоком, П.Е.Щеголевым, Р.В.Ивановым-Разумником и др. В письмах 1910-х Ремизов именует Тинякова «отец дьякон» (см.: РНБ. Ф.774. Ед.хр.33). Вероятно, новый титул («гнид обезьяний») обязан своим появлением публикациям Т. в черносотенной прессе в 1916, а также его сотрудничеству с ЧК после революции. Под этим титулом Тиняков значится в списке Обезвельволпала (ИРЛИ. Ф.256. Оп.2. Ед.хр.13. Л.8) и, например, в письме Ремизова к М.А.Дьяконову (РНБ. Ф.1124. Ед.хр.8. Л.4). В.Смиренский оставил о Т. отдельный мемуарный очерк, начинающийся словами: «Ремизов называл Тинякова "гнида обезьяней палаты"». И надо сказать, что это омерзительное прозвище присвоено было Тинякову не зря. Это был неисправимый, закоренелый циник, совершенно беспринципный и аморальный. И весь ужас заключался в том, что этой беспринципностью и цинизмом Тиняков даже гордился» (ИРЛИ. Ф.582). См. также газетную заметку Смиренского о А.Тинякове «Писатель-нищий» в рубрике «Писатели и алкоголь»: Иллюстрированная бытовая газета (Ленинград). 1929. 5-8 июля. №44(35). С.6.

⁹ В письме М.А.Дьяконову от 18 января 1921 из Берлина Ремизов сообщал: «/.../ перед отъездом продал я свои книги и самые любимые Блоху в Петрополис. Думал, получу деньги, на первое время за границей к[ак] н[и]б[удь] перебысь, а до сих пор денег не получил» (РНБ. Ф.1124. Ед.хр.8. Л.1).

¹⁰ В 1910 Ремизов участвует в выставке «Треугольник», устроенной Н.Кульбиным, а в 1915 его рисунки впервые публикуются в футуристическом сборнике «Стрелец». Немало общих интересов связывало Ремизова с Велимиром Хлебниковым (см.: Анненков Ю. Дневник моих встреч. Нью-Йорк, 1966. Т.1. С.214; Ремизов А. Неизданный «Мерлог» / Публикация А.д'Амелиа // Минувшее: Исторический альманах. Вып.3. М., 1991. С.201; Баран Х. К типологии русского модернизма: Иванов, Ремизов, Хлебников // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М., 1993. С.191-207; Markov V. Russian futurism: A History. Berkeley; Los Angeles, 1968. P.411; Маркадэ Ж.К. Ремизовские письма // Approaches to a protean writer. Columbus, 1987. P.123-125; Гурьянова Н. Ремизов и «Будетляне» // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994. С.142-151).

¹¹ Один из таких альбомов с портретами ремизовских современников (1917-1921) хранится в ОР РНБ. (Ф.634. Ед.хр.19).

¹² В архиве Смиренского (ИРЛИ. Ф.582) имеется блокнот с обращениями к нему стихами Ф.Сологуба, К.Вагинова, К.Олимпова (К.К.Фофанова), С.Нельдихена и др. В их числе и три стихотворения Ан. Фролова. Приведенные строки являются первой строфой его стихотворения. Приводим его конец, а также два других поэтических текста этого автора:

Не принимай ни радости,
ни гнева,
Нельзя любовнику забытому
помочь.
Когда в червонцах ласковой
девой,
Рыдаю горько, упадет
ночь.
И буду так лежать,
псоглав и светел,
Пока зарю не продырявит
петел.

1922

В.Смиренскому

Триолет

Ты уронила башмачок
С трепещущей ноги.
Мой трудный путь еще далек,
Ты уронила башмачок,
И я бегу, как пастушок,
Со старым broderie.
Ты уронила башмачок
С трепещущей ноги.

1921

Это тебе, Володя, о том,
как вставало солнце.

В сосудах светы беглой стали.
(Плескалась кровь на дне сосуда)
По коридорам пробежали,
Но не ответили — откуда.
По коридорам пробежали,
(Плескалась кровь на дне сосуда)
В сосуде светы беглой стали.
Я ждал пылающего чуда.

1922

«Фролов писал "пасторальные" стихи и, по нашему совету, понес показать их А.Блоку, — вспоминал Борис Смиренский об осени 1920. — Каково же было наше удивление, когда поэт посоветовал ему бросить на время писать стихи, по крайней мере на два года! Одновременно он рекомендовал ему посещать концерты гастролировавшего тогда у нас Ван-Орена, органные концерты, и вообще слушать больше музыки. /.../ Не знаю — выполнил ли заветы Блока Анатолий Фролов, но по-видимому — нет, так как с тех пор я о нем не слышал. Вот одна из его "пасторалей":

На старинном дворцовом фарфоре
улыбаются томно маркизы,
полусмятые спят кружева.

Уплывают в закатном узоре
нежных ручек вечерние ризы,
розовеет влюбленно трава.

И слился в замирающем хоре
с ветерками певучий рожок.
На старинном дворцовом фарфоре
ты пастушка, а я — пастушок».

(Смиренский Б.В. Книги и люди. — Авторизованная машинопись. Собр. А.Л.Дмитренко. СПб.).

¹³ Александр Матвеевич Фролов (1870-1964) — академик УССР, гидротехник, профессор Политехнического института и Института инженеров путей сообщения в Ленинграде.

¹⁴ В тексте машинописи «к Ремизову» — зачеркнуто и заменено на: «к нему вместе». Местоположение предшествующего фрагмента от слов: «Любимцем Ремизова...» до «...известный ученый, профессор» установлено по рукописи воспоминаний Смиренского (ИРЛИ).

¹⁵ Ср. воспоминания М.Зошенко об одном из вечеров в Доме Искусств: «Вот идет А.М.Ремизов. Маленький и уродливый, как обезьяна. С ним его секретарь. У секретаря из-под пиджака торчит матерчатый хвост. Это символ. Ремизов — отец-настоятель "Обезьяньей вольной палаты"» (Перед восходом солнца // Зошенко М. Собр. соч.: В 3 тт. Т.3. Л., 1987. С.502).

¹⁶ М.М.Зошенко входил в литературную группу «Серапионовы братья», созданную 1 февраля 1921 молодыми студистами Дома Искусств. По свидетельству Н.Резниковой, «группа "Серапионовых братьев" была образована с благословения Ремизова. Он рассказал /.../, что он окрестил ее Серапионовыми братьями, вспоминая Э.Т.А.Гофмана, которого он так любил» (Резникова Н. Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С.84-85). Среди документов Обезвволпала, находящихся в ИРЛИ, имеется рисованная Ремизовым грамота от 30 мая 1921 кавалеру обезьяньего знака М.Зошенко, подписанная князьями Е.И.Замятым, Вяч. Шишковым и служкой Ан. Фроловым (Ф.256. Оп.2. Ед.хр.13. Л.22). Рассказ «*Старуха Врангель*» запомнился Ремизову: «М.Зошенко — из самых "Мертвых душ" от Коробочки и "Скверного анекдота": "Старуха Врангель" — петербургские и уездные рассказы его — подковыр Гоголя и выковыр Достоевского» (Ахру. С.34). Вероятно, Смиренский описывает одно из первых чтений этого рассказа (опубликован в сборнике рассказов Зошенко «Разнотык» — Пг., 1923) весной 1920 на одном из еженедельных собраний будущих «серапионов». Сомнительно, чтобы речь могла идти о вечере художественной прозы под названием «Сегодня», состоявшемся в Доме Искусств 23 мая 1921, на котором вместе с «серапионами» М.Зошенко («Старуха Врангель»), Л.Лунцем (рассказ «Исходящая»), Н.Никитиным (рассказ «Ангел Аввадон») читал свои рассказы и А.Ремизов (цикл «Шумы города»). Этот вечер описан в дневнике К.Чуковского (запись от 24 мая 1921): «Вчера вечером в Доме Искусств был вечер "Сегодня", с участием Ремизова, Замятина — и молодых: Никитина, Лунца и Зошенко. Замятин в деревне — не приехал. Зошенко — темный, большой, милый, слабый, вышел на кафедру (т.е. сел за столик) и своим еле слышным голосом прочитал "Старуху Врангель" — с гоголевскими интонациями, в духе раннего Достоевского. Современности не было никакой — но очень приятно. Отношение к слову — фонетическое. Для актеров такие рассказы — благодать. "Не для цели торговли, а для цели матери" — очень понравилось Ремизову, к-рый даже толкнул меня в бок» (Чуковский К. Дневник: 1901-1929. М., 1991. С.170). См. также: Дом Искусств. 1921. №2. С.119; Анненков Ю. Дневник моих встреч. Указ. изд. Т.1. С.309 (портрет М.Зошенко работы Анненкова (1921), где на втором плане изображена афиша этого вечера).

¹⁷ К тексту воспоминаний приложена подаренная Смиренскому обезьянья грамота с глаголической надписью.

¹⁸ «*Кольцо поэтов*» — литературная ассоциация им. К.М.Фофанова, основанная В.Смиренским 30 апреля 1921. Ремизов одним из первых получил приглашение и был зачислен в члены «Кольца поэтов». После отъезда из Петрограда Ремизов, находившийся в Ревеле с 23 августа 1921 по 18 сентября 1922, неоднократно передавал «приветы» «Кольцу поэтов», о чем имеются записи в Летописи ассоциации (ИРЛИ. Ф.582). Из писем В.Смиренского к Л.И.Аверьяновой явствует, что Смиренский писал Ремизову по крайней мере до весны 1927 (ИРЛИ. Ф.355. Ед.хр.54. Л.45). Косвенным свидетельством того, что Ремизов в первый год эмиграции не забы-

вал о существовании «Кольца поэтов», является анонимная заметка в берлинском журнале, автором которой, по всей видимости, был сам Ремизов, поставлявший для этого журнала сведения о литературной жизни в России: «Кольцо Поэтов, в Петербурге, к которому принадлежат: Константин Олимпов (Фофанов), Борис и Владимир Смиренские, Анатолий Фролов, готовит сборник стихов» (Новая Русская Книга. 1922. №1. С.42).

¹⁹ Похожее впечатление, хотя и в более резкой форме, зафиксировано в воспоминаниях В.Яновского, посещавшего Ремизова в Париже: «Какая-то хроническая, застарелая, вспокрывающая фальшь. /.../ В этом доме царил сплошной претенциозность /.../ Все "штучки" Ремизова, вычурные сны и сказочные монстры, в конце концов, били мимо, как всякий неоправданный вымысел» (Яновский В.С. Поля Елисейские. СПб., 1993. С.186). Близкий друг Ремизова Н.В.Резникова, напротив, утверждала, что чудачество было для писателя «прежде всего, выходом из ограниченной трехмерности, неприятным нормальной "нормы", обязательной для человека. В этом сказывалось основное свойство душевного склада А.М.: непокорность, протест против навязанной реальности, отказ от общих истин и установленной шкалы ценностей» (Резникова Н. Огненная память. Указ. изд. С.25; см. также С.27, 133-141). О мистификациях и мифотворчестве Ремизова см.: Пяст В. Встречи. М., 1929. С.29-31; Лундберг Е. Записки писателя: 1920-1924. Т.2. Л., 1930. С.300-302; Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин. 1921-1923: По материалам архива Б.И.Николаевского в Гуверовском институте. Париж, 1983. С.21-22; Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Указ. изд. С.104.

²⁰ Отмеченная бытовая подробность противоречит воспоминаниям Н.В.Резниковой, утверждавшей, что в доме Ремизовых не только что прикуривать от лампад, но и курить при иконах строго воспрещалось. См.: Резникова Н. Огненная память. Указ. изд. С.27.

²¹ Об отъезде Ремизова сообщалось в «Красной газете» — 1921. 10 сентября. №186(1062). С.4, а также в хрониках «Летописи Дома Литераторов» (1921. №3. С.7; №4. С.7) и «Вестника литературы» — 1921. №12(36). С.19.

²² В рукописи текста воспоминаний Смиренский конкретизирует: «издал целый ряд книг и, между прочим, "Ахру", — повесть обезьянскую, где вспомнил и обо мне» (ИРЛИ. Ф.582). Упоминания о Смиренском в книге «Ахру» так же, как и в других произведениях Ремизова, не обнаружены.

²³ Ср. с рассказом Ремизова «Анна Каренина»: «В "Вестнике Отдела Управления", где печатаются всякие обязательные постановления Петросова, есть такой закон: там о перемене фамилий. Каждый раз я с нетерпением жду четверга, когда выйдет этот Вестник, чтобы посмотреть, какие есть еще на свете "лошадиные" фамилии, и на какие "нелошадиные" меняются» (Взвихренная Русь. Указ. изд. С.405).

²⁴ Среди газетных вырезок и различных публикаций, собранных Смиренским в том под названием «Владимир Смиренский. Собрание сочине-

ний. Рассказы», имеется газетная статья, относящаяся приблизительно к 1970-м годам, посвященная мифологическим корням ремизовской фамилии, — «Ремез — Птичка Божия»: «В этой птичке нет ничего необыкновенного. Она сделана рядовым игрушечных дел мастером, по всей вероятности кустарем, из дерева, раскрашена причудливо и пестро и снабжена весьма длинным носом. И, судя по носу, это типичный дятел. Но Алексей Михайлович Ремизов клятвенно заверял, что это птичка божия — ремез, от которой будто бы происходит его фамилия, чему я, сказать по правде, никогда не верил. Ныне — это вполне заслуженная птичка, она живет у меня более сорока лет и есть не просит. Кроме того, от многих падений она несколько пострадала: у нее сломан клюв и нога, но и то и другое аккуратнейшим образом подклеено и подкрашено, так что не специалист по птицам может изъяна и не заметить. Птичке той Ремизовым поручено было охранять книги. Она стояла у него на книжной полке. Ту же обязанность она неукоснительно несет и у меня в доме — все годы охраняет книги. Ремизов был отъявленным мистификатором. Простодушным и доверчивым людям он любил рассказывать, что именно к этой деревянной птичке обращены пушкинские стихи:

Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда.
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда.

— Она, — хитро улыбаясь, пояснял Ремизов, — с удовольствием свила бы себе гнездо, но ведь она деревянная. Вот Пушкин и написал о ней. А у живых птичек у всех есть гнезда.

Как ни странно, но Ремизов был тут пожалуй что прав» (ИРЛИ. Ф.582). В автобиографической книге «Подстриженными глазами» Ремизов разъясняет этимологию своей фамилии, писавшейся через ять и происходившей от колядной птицы ремез, относя изменение написания на счет своеобразного характера своего отца, пожелавшего «происходить не от птицы, а от ткацкого станка "ремеза", а он даже согласен на карточный "ремиз"...» (Ремизов А. Взвихренная Русь. М., 1991. С.169). См. также автобиографию Ремизова 1923 г. (Ремизов А. Избранное. Л., 1991. С.548). О создании Ремизовым автомифа на основе легенды о птичке ремез см.: Безродный М.В. Об одной подписи Алексея Ремизова // Русская литература. 1990. №1. С.224-228; Аверин Б.В., Данилова И.Ф. Автобиографическая проза А.М.Ремизова // Ремизов А. Взвихренная Русь. Указ. изд. С.3-4.

²⁵ *Куковников* — один из псевдонимов Ремизова, под которым он опубликовал в эмигрантской прессе несколько статей о собственном графическом искусстве (см.: Куковников В. Рукописи и рисунки А.Ремизова // Числа. 1933. Кн.9. С.191-194; Куковников В. Выставка рисунков писателей // Последние новости. 1933. 30 декабря). Баснописец Василий Петрович Куковников — герой поздних произведений Ремизова. Этот образ писатель использовал в своих автометаописаниях (см.: Ремизов А. Учитель музыки. Париж, 1983. С.345-355; Неизданный «Мерлог». Указ.

изд. С.211). Учитывая, что свою настоящую фамилию Ремизов считал производной от птицы ремез, следует полагать, что и его псевдоним имел «орнитологическую» этимологию (см.: Безродный М.В. Об одной подписи Алексея Ремизова. Указ. изд. С.226).

²⁶ Знакомство Ремизова с И.П.Каляевым относится ко времени их вологодской ссылки 1901-1902 (см.: Ремизов А. Иверень / Ред., подготовка текста и комментарий О.Раевской-Хьюз. Berkeley, 1986. С.199-200). Оба они, писавшие в то время стихи, даже сделали совместный перевод стихотворения в прозе С.Пушкинского «Тesknota» («Тоска») — см.: Письма А.М.Ремизова и В.Я.Брюсова к О.Маделунгу / Сост., подготовка текста, примечания П.Альберга Енсена и П.У.Мёллера // Kobehnavns universitets slaviske institut. Materialer I. Copenhagen, 1976. С.79-80. В рукописном альбоме Ремизова «Корова верхом на лошади. Цветник II» ремизовское стихотворение «Мгла» сопровождается пояснением: «Эти стихи мои древние написаны в Вологде в 1902 г. в период дружбы с Ив. Пл. Каляевым — он писал стихи по-настоящему и много поэтических вечеров провели мы в келье моей на Желвунцовской. А.Р.» (РНБ. Ф.634. Ед.хр.18. Л.21). В марте 1906 Ремизов и его жена С.П.Ремизова-Довгелло ездили в Шлиссельбург на могилу Каляева, казненного за убийство великого князя Сергея Александровича (см.: Lampl Н. Remizovs petersburger Jahre. Ibid. С.280). Накануне своего отъезда из России в письме к П.Е.Щеголеву, — товарищу Ремизова и Каляева со времен вологодского поселения, историка революционного движения и организатору Музея Революции, — Ремизов писал: «В музрев прошу принять о И.П.Каляеве, икону Воскресения и моск. декабрь. [1]905 г. /.../ Воспоминания мои о И.П.Каляеве и о цветах пасхальных и о стихах — память вологодскую напишу, как только очеловечусь» (ИРЛИ. Ф.627. Оп.4. Ед.хр.1479-1610. Л.126). О революционном прошлом и ссылке Ремизова см.: Ремизов А.М. Иверень. Указ. изд. С.29-33 и др.; Морозов В. На рассвете: Исторический очерк об образовании и деятельности первых социал-демократических кружков в Пензе в 1894-1897 гг. Пенза, 1963. С.29-37; Грачева А.М. Революционер А.Ремизов: миф и реальность // Лица: Биографический альманах. Вып.3. М.; СПб., 1993. С.419-447.

²⁷ Смиренский почти дословно приводит фрагмент из очерка Пришвина («Мой очерк» — впервые опубликован: Литературная газета. 1933. 11 апреля. №17; см. также: Пришвин М. Собр. соч.: В 8 тт. Т.3. М., 1983. С.9). Этот сюжет мог быть известен Пришвину, близко общавшемуся с Ремизовым весь петербургский период его жизни, из устных рассказов писателя. Упоминание об этой встрече находим и у самого Ремизова (Кукха: Розановы письма. Берлин, 1923; в изд.: Нью-Йорк, 1978 — С.47). Но имя Каляева заменено здесь на Л.Семенова, так же как и в монтажном воспроизведении собственных писем к Серафиме Павловне Ремизовой-Довгелло, дополненных различными ретроспективными комментариями (Ремизов А.М. На вечерней заре. Переписка Ремизова с С.П.Ремизовой-Довгелло / Подготовка текста и комментарий А.д'Амелиа // *Evropa orientalis*. 1990. IX. С.459). Подмену имен (Каляев / Семенов) мы можем объяснить либо ошибкой памяти Пришвина, либо умыслом Ремизо-

ва. Такой прием встречается в автобиографической прозе Ремизова и связан, как мы предполагаем, с его стремлением выстраивать пары семантически близких образов. Список таких пар он приводит в «Кукхе»: «За все мои литературные годы /.../ из встреч и разговоров я заметил сочлененность именную — парность имен: когда одно произносишь, другое уже на языке, как водород и кислород, как Анаксимен и Анаксимандр — Горький — Леонид Андреев, Блок — Андрей Белый, Ленин — Троцкий, Розанов — Шестов», и т.д. (Кукха. Указ. изд. С.56). В рассматриваемом случае Каляев и Семенов могли составить такую пару и взаимозаменяться Ремизовым. (Сходные соображения высказываются в статье: Доценко С.Н. Встреча на вокзале: Из комментария к «Кукхе» А.Ремизова // Литературный процесс и развитие мировой культуры: Материалы и тезисы. 30.III — 2.IV 1992. Таллинн, 1994. С.82-85).

²⁸ Этот фрагмент воспоминаний воспроизводит мотивы из заметки В.Кн. (В.В.Князева): «За границу удрала группа писателей. Между прочим, и г.Ремизов. А прежде, чем удрать за границу, г.Ремизов пользовался вот какими льготами и преимуществами: в 1-м отеле ему было предоставлена лучшая, роскошно меблированная квартира. В отеле центральное отопление, но Ремизову были поставлены отдельные печи; дрова в течение года давались ему в изобилии. Он один в отеле пользовался отдельной прислугой; ему была предоставлена лошадь для разъездов за пайками; "Севцентропечать" предупредительно снабжала его газетами и журналами. Все это — за государственный счет. — За что? За какие заслуги перед революцией? "Из уважения к литературе". Когда месяца два тому назад из отеля выселяли беспартийных и даже кой-кого из коммунистов, г.Ремизов уцелел — "из уважения к литературе"?! Он пользовался всем, а рядом пролетарские писатели — пролеткультовцы и голодали и холодали и болели на этой почве безостановочно... "В порядке вещей"? Но теперь такому "порядку вещей" не должно быть больше места. В "Последних новостях", белогвардейской газете, читаем (№396): "Молодые поэты, беллетристы и художники, посещающие лекции в Доме искусств, Доме литераторов и Институте искусств, все противники коммунистов". Так! А мы цацкаемся с ними. А мы предоставляем им разнообразные льготы и преимущества, даем пайки, помогаем кооперативным их начинаниям» — Красная газета. 1921. 10 сентября. №186(1062). С.4.

²⁹ Дословная цитата из воспоминаний Романа Гуля «Жизнь на фукса» (М.; Л., 1927. С.203).

³⁰ В Париж Ремизов переехал осенью 1923. Ср.: «...Куковников, — человек с этой фамилией-причудинкой, надетой на себя Алексеем Михайловичем Ремизовым много лет позже, в Париже, в числе прочих псевдонимен и обличий, какими он назывался и в какие рядился» (Федин К. Горький среди нас; впервые напечатано в 1944; см. также: Федин К. Собрание сочинений: В 12 тт. Т.10. М., 1986. С.93).

³¹ Ср.: «Ремизов сделал вывод, признал свои заблуждения. Во всяком случае, мне известно, что он занял в эти годы патриотическую позицию

и в 1946 году стал советским гражданином» (Цит. по: Любимов Л. На чужбине. Ташкент, 1979. С.304). Действительно, Ремизов после смерти Серафимы Павловны, оставшись один, мечтал вернуться в Россию, где в Киеве жила его дочь Наташа. Поэтому, когда 22 июля 1946 «Русские новости» опубликовали «Указ Верховного Совета СССР о восстановлении в гражданстве СССР подданных быв. Российской Империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции», Ремизов взял советский паспорт. Вряд ли следует расценивать это как «смену вех»: позиция писателя по отношению к России все годы эмиграции не была окрашена политически. Ср.: «Один из немногих писателей за рубежом, Ремизов занял совершенно аполитическую позицию. За это его чуть не бойкотирует та воинствующая эмиграция, которая художественность писателя привыкла измерять по степени запальчивости его анти-большевистских выступлений. Ремизова уже неоднократно обвиняли в тайных симпатиях к "советской Росии", забывая, что он попросту продолжает любить Россию, подчеркивали его духовную связь с "советскими писателями", не понимая, что писатели эти у Ремизова учились и ему подражают» — Против Ремизова // Воля России (Прага). 1929. №1. С.118-119. См. также: Резникова Н. Огненная память. Указ. изд. С.71. Решение вернуться на родину довольно скоро было пересмотрено: пришло запоздалое извещение о смерти дочери; кроме того, сказалось и пошатнувшееся здоровье самого Ремизова (см.: Седых А. Далекие, близкие. Нью-Йорк, 1979. С.114; Резникова Н. Огненная память. Указ. изд. С.57; ср.также: «В 1948 г. был слух, что Ремизов собирается ехать обратно в Россию. Э[льза] Т[риоле] пошла к нему и отсоветовала ему это делать, за что он был ей глубоко благодарен» — Берберова Н. Курсив мой. Т.II. Нью-Йорк, 1983. С.685).

³² Ср. дневниковую запись Ремизова: «Из 1947 г. мне памятли три крепких отзыва: "ретроград", "подлец", "советская сволочь". Я никак не отозвался, я только подумал о легкости человеческого суда!» (Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Указ. изд. С.90-91). Ср. также: «Из писателей получать паспорт пришел А.М.Ремизов (по своему глубокому цинизму ему было все равно, какой паспорт брать, авось можно на этом чем-нибудь поживиться, он завтра и от царя-батюшки взял бы с удовольствием)» (Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т.III. Нью-Йорк, 1989. С.104).

³³ В книге Н.Резниковой последние годы Ремизова описаны не так безысходно: у писателя остались преданные друзья, которые создали единственное в своем роде издательство «Оплешник», специально для издания его книг; незадолго до смерти завязалась переписка с учеными Пушкинского Дома (см.: Письма В.И.Мальшева к А.М.Ремизову // ИРЛИ. Ф.494. Оп.2. Ед.хр.73; Письма А.М.Ремизова к В.И.Мальшеву / Публикация С.С.Гречишкина и А.М.Панченко // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С.203-216); нашел писатель признание и среди французских деятелей литературы (см.: Резникова Н. Огненная память. Указ. изд. С.102-104, 109). На сообщение о его смерти отозвались многие газеты и журналы Парижа (см.: Некро-

логи А.М.Ремизова // ИРЛИ. Ф.256. Оп.2. Ед.хр.36). Ср. также письмо Н.В.Резниковой к Е.Д.Прокопович (Кусковой) (ИРЛИ. Р.1. Оп.22. Ед.хр.175. Л.1):

N.Reznikoff —
11, rue Camille Desmoullus
Cachan (Seine)

17-XII-[19]57

Дорогая Екатерина Дмитриевна,
Алексей Михайлович тихо и без страдания скончался 26 ноября 1957 г. в восемь часов вечера. Он был в сознании, до того как погрузился в полу-сон. Полу-сон перешел в сон — последний — один вздох. После долгой болезни 1954 г. А.М. по-настоящему не поправлялся (до нея был бодрый, живой, работал, жил один — остался кашель и эти странные припадки «задоха» — вроде астмы — но астмы не было. Я всегда склонялась к мысли, что основа этих припадков была нервная. По словам доктора болезнь А.М. — была склероз — склероз сосудов сердца — от нее он и скончался. С конца (я бы даже сказала, с начала) лета началось ухудшение. Нервность А.М. и желание во что бы то ни стало что-то делать, кончать — скорее, скорее — конечно, не помогало делу. Я уезжала на месяц — по возвращении была совершенно придавлена его видом и состоянием крайнего нервного возбуждения, чередовавшимися с полным бессилием. Слабость — задохи и со всем этим напряженная воля — что-то скорее делать, кончать, посылать свои книги в Россию — в «Пушкинский Дом» — с учеными академии и некоторыми писателями у него создалась оживленная переписка. Ум, воля, сознание, энергия, творческая сила — у А.М. не только не угасли, но и не ослабевали до конца. Но он чувствовал, что умирает. Неутомимый, неукротимый, безжалостный к себе и другим в том, что касалось работы и занятий, — А.М. никогда ничего не просил *для себя*. И вот: «Наташа, не покидайте меня, будьте со мною — это мои последние дни». Два раза — в 1950 и 1954 г. — я видела его почти умирающим, два раза я «вытаскивала» его — надеялась: и на этот раз... Последние три недели после сердечного припадка ночью с 4-го на 5-е ноября А.М. лежал в постели, страдания его в этот последний период — смягчились. Кислород — был для облегчения — припадков — «задоха» почти не было. Кроме меня, было еще 3 человека — не покидали его. Когда любишь человека и знаешь его — как я любила А.М., несмотря на болезнь, на страдания хочешь сохранить его подольше — ну хоть еще немножечко! Не думаю, чтоб это был только эгоизм — с моей стороны. Мне говорят — «так ему легче». Но я знаю, сколько у него было еще воли к жизни, планов, творческой мысли, любви к жизни, интереса и неистребимого любопытства ко всему. Большой, слабый, задыхающийся, с грелкой в руках — он обо всем жадно расспрашивал — и о выставках, картинах, о по-

следнем концерте новейшей «додекафонической» музыки, о том, «что творится на белом свете». И я рассказывала, а А.М. слушал и радовался тому, что жизнь идет и что есть люди, которые (его школы!) интересуются чем-то еще. «Мы — народ земной — нам ничего не надо!» — говорил он про большинство русских людей, живущих среди неисчислимых культурных богатств Франции и совершенно им чуждых. Живой интерес ко всему А.М. был неистощим. Последние три недели особенно (и весь последний период жизни) — А.М. «болел человечеством» — остро жалея людей и повторяя — «я ничего ни для кого не сделал!» В литературе по-новому перечитывал шестидесятников, стараясь о них писать, вспоминая революционеров и всех «жаждущих правды». Живой, творческий ум, горящее сердце, такой исключительный дар слова — и мастерство, уже доведенное до совершенства крайней простоты, — все это было живо, горело. Физических страданий А.М. уже больше нет, они кончились. Но смерть его — для меня: как по-живому. Я знала его и любила почти с детства — за все 30 лет жизнь не разъединяла нас. Когда-то мои сестры и я были «мои девочки» для Серафимы Павловны. Одна из этих «девочек» — осталась при А.М. до конца — не только в виде опекающей его слабость и бессилие — но помощницей, «учеником» — товарищем в работе. В трудные минуты страданий его протянутые руки встречали мои руки и сжимали их вместе со своими. Французские писатели, журналисты, интеллигенция — обратили ко мне свои «condoléances». Издатель Галлимар прислал на похороны А.М. большой венок дивных цветов (А.М. любил яркие красные и розовые цветы). Во всех газетах Парижа (от Humanité до Aurore) что-то появилось. Сейчас я занимаюсь тем, чтобы устроить более обстоятельные статьи, радиопередачу. Скоро выходит «Yeux Tondus» у Gallimard'a. Выпускаем последнюю русскую книгу. Когда-нибудь все его «наследство» перейдет в Пушкинский Дом по его желанию. А.М. всегда радовался Вашей живой литер[атурной] деятельности. Продолжайте: ото всей души желаю Вам здоровья.

Если Вас что-нибудь интересует о А.М. — я с радостью отвечу.

Привет сердечный.

Нат. Резникова

³⁴ Роман «Пруд» — впервые в журнале «Вопросы жизни» (1905. №4-11), повесть «Крестовые сестры» — впервые в Альманахе издательства «Шиповник» (СПб., 1910. Кн.13).

³⁵ Подобные высказывания А.Блока нам неизвестны. Упоминая суждение М.Горького, Смиренский, вероятно, имеет в виду письмо (начало сентября 1922) к К.Федину, в котором Горький советует молодому писателю ориентироваться в творчестве на «изумительно богатый лексикон» Ремизова, ставя его имя в один ряд с Н.С.Лесковым (см.: Литера-

турное наследство. Т.70: Горький и советские писатели: Неизданная переписка. М., 1963. С.469).

³⁶ Имеется в виду посвященное Ремизову стихотворение Блока «Болотные чертенятки», написанное в январе 1905 (см.: Блок А. Собрание сочинений: В 8 тт. Т.2. М.; Л., 1960. С.10).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Стихотворения, посвященные А.М.Ремизову
и С.П.Ремизовой-Довгелло

В.Смиренский

Молитва монахини

Ал. Мих. Ремизову

«...Царствует теперь повсеместно — гнида.
И ума не приложу, отчего...
Помяни, Господи, Царя Давида
И всю кротость Его!..»

лето 1921-е от РХ
СПБ.
июль 19.

кавалер обез[ьяньего] знака:
Андрей Скорбный
(Вл. Вик. Смиренский)

РНБ. Ф.92. Оп.2. Ед.хр.117. Автограф.

А.Фролов

С.П.Ремизовой-Довгелло

Нет ни счастья, ни печали,
Только дали, дали, дали,
Только небо, как река.
Эти звезды — серафимы,
Бездны — райские долины,
Божьи кони — облака.
И на своде строго синем
В ночи мира, в ночи гроз
Зодчий вязью звездных рос
Обожествленное Имя
Чертит огненно:

Христос.

РНБ. Ф.92. Оп.1. Ед.хр.354. Л.8. Авторизованная машинопись.

Где тонкий месяц есть, но нет луны
И возникают сказочные травы.
Как хорошо у звонкого ручья
Водой холодной, серебряной умыться,
Как хорошо вокруг царского огня
С дружком чертенком бешено кружиться,
И сладко ждать, когда же у тебя
Появятся и хвостик и копытца.

Девушки любят красивых воинов.
Девушки любят их сильные руки,
Их стройные ноги
И поцелуи.

Девушки любят детей — мечтателей,
Девушки любят их бледные щеки,
Их нежные песни
И обещанья.

Но больше глупых поэтов и воинов
Девушки любят обезьян беспечальных:
Шимпанзе, уйстити, бабуинов
И других хвостатых любовников.

С.М.Алянскому

Маленькие, веселые арапчата
Смотрят, как удирает лиса,
Удирает воровка куда-то,
Наверно, вон в те леса.
Там она выстроит хату,
Станет королевной леса!
Хоть чернее чертей арапчата,
А у них, как фарфор, голоса.
Верхом на слоне и богатой
Вернется из леса лиса!
Смеются над лисой арапчата,
Как лиса удирает в леса.

[1921]

РНБ. Ф.92. Оп.1. Ед.хр.354. Л.15-22. Автограф.

В.Смиренский

Блудодей

Ал. Мих. Ремизову

Плачет плачет, стонет стонет лесовик,
Наклонившись над зеркальной водой,
Чутким ухом ловит птичий переклик
И трясет своей мохнатой бородой.

Буйной прядью разметались волоса,
Блещут искрами глаза из-под бровей;
Молча слушают бессонные леса,
Что бормочет волосатый блудодей.

Он склонился на колени над прудом,
То он плачет, то он стонет, то молчит,
То, пугая отвратительным лицом, —
Тонким голосом по-птичьему кричит.

И лохматая трясется голова,
И огнем блещут глаза из-под бровей,
Заповедные волшебные слова
Выкликает волосатый чародей.

Андрей Скорбный

1921 г. Май [9?] С.Петербург.

Ремизов А.М. Мой альбом: Цветник // РНБ. Ф.634. Ед.хр.17. Л.15. Автограф.

*В знак искренней благодарности
и глубокого уважения посвящаю
это стихотворение Алексею Ми-
хайловичу Ремизову*

Автор

Монахиня

Монахиня шла в столицу;
Исходила много дорог.
Захотела Христу молиться,
Чтоб Он ей помог...

По окраинам долго бродила;
Наконец в столицу пришла.

В соборах Бога просила,
Чтобы Радость с неба сошла...

Ветер свистел и плакал.
Хмурая была ночь...
Посох о камни звякал:
Монахиня уходила прочь...

Андрей Скорбный
(Владимир Смиренский)

лето 1921-е, Апрель, Питербурх.

[Внизу приписка рукой А.М.Ремизова: «Влад. Вик. Смиренский пред-
[седа]тель Кольца Поэтов»].

Ремизов А.М. Мой альбом: Цветник. // РНБ. Ф.634. Ед.хр.17. Л.16.